УДК 81'276.3
UDC 81'276.3

Худякова Екатерина Сергеевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina S. Khudyakova
Perm State University
Perm, Russian Federation
khudiakova.es@gmail.com

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СПОНТАННЫХ ТЕКСТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА[1]
EMOTIONALLY-EVALUATIVE COMPONENT IN SPONTANEOUS TEXTS OF OLDER SPEAKERS

Аннотация
В статье рассматриваются характеристики выражения эмоций у представителей старшего возраста на основании лингвистического анализа их спонтанных нарративных текстов. В геронтопсихологии когнитивно-аффективный комплекс представителей позднего возраста изучается в связи с комплексом факторов: состоянием оперативной, кратковременной и семантической памяти, внимания, а также социальным окружением индивида. Поэтому нарративы, предполагающие припоминание события, планирование текста и включающие блок оценки события, могут служить надёжным материалом для исследования этого комплекса. В качестве единиц анализа используются (в терминах В. И. Шаховского) лексика эмоций (имена эмоций и метонимии эмоций), эмотивная лексика и высказывания, коннотированная и лексика оценки. Для отбора единиц используется семантический анализ, в качестве дополнительных методов применяются структурный и пропозициональный анализ. Перечисленные разряды единиц, которые показывают выражение эмоций, рассматривались в спонтанных нарративах представителей старшего возраста (от 80 лет), в качестве материала для сравнения привлекаются нарративы студентов. Показано, что частота использования оценочной, эмоциональной и коннотированной лексики значительно выше в студенческих текстах. Мужчины старшей возрастной группы породили самые нейтральные тексты (использование имен эмоций не превышает 8%). В целом количественные данные указывают на бóльшую эмоциональность студенческих текстов и нейтральность текстов представителей старшего возраста. Качественный же анализ показывает бóльшую избирательность, планируемость текстов старших, прежде всего женщин (по использованию эмоционального синтаксиса и кластеров эмоций), что соответствует теории социоэмоциональной селективности в геронтопсихологии.

Abstract
The article discusses the patterns of the older individuals' expression of emotions based on a linguistic analysis of their spontaneous narrative texts. In gerontopsychology, the cognitive-affective complex of representatives of late age is considered in connection with a complex of factors: the state of operative, short-term and semantic memory, attention, as well as the social environment of the individual. Therefore, narratives involving recalling the event, planning the text and including an event evaluation unit can serve as reliable material for the study of this complex. As units of analysis, vocabulary of emotions (names of emotions and metonymy of emotions), emotive vocabulary and statements, connotated and evaluative vocabulary (in terms of V.I. Shakhovsky) is used. For the selection of units, semantic analysis is used; structural and propositional analysis are used as additional methods. The listed categories of units that show the expression of emotions, were considered in spontaneous narratives of representatives of the older age (from 80 years old), students' narratives were used as material for comparison. It was found that the frequency of using evaluative, emotional, and connotated vocabulary is

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

significantly higher in students' texts. Older men represented the most neutral texts (the percentage of using the names of emotions does not exceed 8%). In general, quantitative data indicate a greater emotionality of student texts and the neutrality of older speakers texts. Qualitative analysis, however, shows the greater sophistication of the older speakers texts, particularly women (on the use of emotional syntax and clusters of emotions), which corresponds to the theory of socio-emotional selectivity in gerontopsychology.

Ключевые слова: возрастная психолингвистика, геронтопсихология эмоций, эмоционально-оценочный компонент в языке, спонтанный текст, нарратив.

Keywords: age-related psycholinguistics, gerontopsychology of emotions, emotional-evaluative component of the language, spontaneous text, narrative.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_172_185

1. Введение

Проблемой исследования является попытка разрешения вопроса о количественных и качественных характеристиках выражения эмоций представителями старшего поколения (в особенности не пожилых людей, а представителей «третьего» возраста, индивидов старше 80 лет).

В целом вопрос о когнитивно-аффективном состоянии старших является геронтопсихологическим, а не лингвистическим. Однако различение переживания эмоций (измеримого только экспериментальными психофизиологическими методами) и выражения эмоций (одно из базовых средств для которого – язык и паралингвистические знаковые системы) приводит к необходимости применения лингвистических методов анализа, и делает проблему эмоциональности стариков не только геронтопсихологической, но и психолингвистической.

В геронтопсихологии до сих пор существует два противоположных мнения об эмоциональности индивидов «третьего возраста»: представление о затухании когнитивной деятельности и притуплении эмоций и представление о крайней эмоциональности, доходящей до сентиментальности. Поэтому целью данной статьи является сравнение типов эмоциональности, реализуемой в спонтанных текстах представителей старшего поколения и в текстах студентов. В частности, данная цель предполагает решение ряда задач:

1) определение рабочих единиц для анализа выражения эмоций в спонтанных текстах;

2) качественный и количественный анализ данных единиц в текстах представителей двух возрастных групп – студентов и представителей позднего старшего возраста;

3) сравнение полученных данных и их интерпретация в свете теорий о когнитивно-аффективном состоянии представителей старческого возраста.

Для начала следует оговорить используемые понятия и определения.

1.1. Отражение эмоций в языке

Язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для трансляции их от поколения к поколению, но эти процессы не могут не сопровождаться переживаниями, и потому это должно учитываться лингвистикой.

Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны. Можно говорить о языке описания эмоций и языке выражения эмо-

ций. Поэтому необходимо разграничить лексику, в разной степени эмоционально заряженную, с целью исследования различной природы выражения эмоций. В. И. Шаховский предложил терминологическое разграничение лексики эмоций, эмоциональной лексики и эмоциональной коннотации [Шаховский, 1990]. Выделение двух типов эмотивной лексики учитывает различную функциональную природу этих слов: лексика эмоций ориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции), эмоциональная лексика имеет в качестве денотата только эмоцию, иных компонентов не содержит [Шаховский, 2009, с. 30–34]. Принимая во внимание различие природы эмотивной заряженности этих слов, надо учитывать, что лексика того и другого множества участвует в отображении эмоций человека.

Кроме того, одним из наиболее важных микрокомпонентов, являющихся частью прагматического компонента значения слова, является коннотативный компонент. Понятие «коннотация» обычно используется для обозначения «добавочных» (в основном оценочных и эмотивно-экспрессивных) элементов лексических значений. В коннотации фиксируется отношение говорящего или адресата к тому, о чём идёт речь. Так, И. А. Стернин описывает «коннотативный семантический компонент» и считает, что он «выражает отношение говорящего к предмету в форме эмоции и оценки» [Стернин, 1985, с. 49].

Эмоциональный компонент коннотации связан с восприятием и оценкой ситуации с позиций «положительно – отрицательно – нейтрально». Спектр возможных реакций говорящего предельно широк: от бранного, грубого и пренебрежительного до уважительного, одобрительного, уменьшительно-ласкательного и т. д. Попытки разделения эмоциональной и оценочной коннотации, вероятно, неэффективны, поскольку «формула эмоции обязательно включает в себя основание оценки» [Шаховский, 2009, с. 30]. В связи с этим в исследовании рассматриваем не эмоциональные, а эмоционально-оценочные единицы в речи.

В. И. Шаховский предлагает отдельно говорить об эмоциях, их физиологической экстериоризации (смех, слезы, тремор и т. д.) и способах их вербализации – назывании, выражении и описании [Шаховский, 2009, с. 33]. Одна и та же эмоция и переживается, и выражается разными языковыми личностями по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе неязыковых (напр., от ситуативного фона общения) [Шаховский, 2009, с. 33]. Эмоции всегда когнитивны и ситуативны, а, следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен и зависит от социобиологических характеристик индивида, в том числе его возраста.

В нашей работе под эмоционально-оценочными единицами в широком смысле имеются в виду в такие элементы как: 1) лексика эмоций – слова, описывающие какую-либо эмоцию или называющие её (имена эмоций, напр., *страх, радость*, и узуальные парафрастические изображения переживания эмоций, связанные с фиксацией физиологического состояния, напр., *лишиться дара речи, ноги подкашиваются, упасть в обморок*); 2) слова с отрицательной или положительной оценочной коннотацией; 3) единицы, с помощью которых информанты выражают свою актуальную эмоцию (в терминах В. И. Шаховского – эмоциональная лексика), при этом термин «эмоциональная лексика» не подходит, поскольку эмоции могут быть выражены с помощью лексических единиц, выражений (метафорических оборотов, сравнений), а также паралингвистическими средствами, такими как смех, улыбка, вздохи и прочее; 4) эмоционально-оценочная коннотированная лексика, чаще всего и идиомно-коннотированная (напр., *прикалываться, я с ней носилась*).

1.2. Возраст, речь и эмоции

1.2.1. Подходы к когнитивно-аффективному состоянию представителей старшего возраста

В геронтопсихологии представлено два основных подхода к интерпретации когнитивно-аффективных особенностей старения. Первая – адаптационная теория – предполагает, что в старости появляются (не теряются!) свойства памяти, способствующие адаптации индивида [Adams, 1991, p. 323]: несмотря на объективное уменьшение скорости обработки информации, память становится более направленной и глубинной. С. Адамс в экспериментальном материале (пересказы сюжетных текстов и их резюмирование) не обнаружила различий в особенностях запоминания текста молодыми и пожилыми взрослыми, отличия показали только подростки (репродуктивный тип пересказа в противовес реконструктивному у взрослых) [Adams, 1991, p. 333].

Вторая теория – теория социоэмоциональной селективности предполагает, что старшие, в связи с изменениями в их социальной жизни – закрытости, сосредоточенности на узком круге лиц из ближайшего окружения – стремятся к поддержанию эмоционального благополучия, а потому направлены на переживание (и констатацию у других) положительных эмоций. Эксперимент А. Тапара и Дж. Роудера по запоминанию разномодальных слов подтверждает «чувствительность» стариков к позитивным эмоционально окрашенным единицам [Thapar, Rouder, 2009, p. 702].

В рамках этой теории, как видно из названия, особенный интерес исследователей вызывает эмоциональное состояние стариков. Л. Доэрти и др., отмечающие наличие трёх компонентов эмоций: нейровозбудимости (причины), переживания эмоций и выражение эмоций [Dougherty et al., 1996, p. 29]. Авторы фиксируют ряд уже аксиоматичных положений геронтопсихологии эмоций: ощущение, переживание эмоций является постоянным на протяжении жизни (но причины, их вызывающие, могут меняться), эмоции являются когнитивным феноменом и могут развиваться (в частности, умение считывать выражение эмоций другими людьми), выражение эмоций может меняться к старости: старики чаще выражают позитивные эмоции [Dougherty et al., 1996, p. 30–35].

В работе С. Робертсон и Д. Хопко подтверждается эмоциональная селективность и развитие эмоций старших: в нарративах представителей старшей и младшей возрастных групп не было обнаружено различий по количеству эмоциональной лексики [Robertson, Hopko, 2013, p. 81], однако старшие породили более объёмные нарративы, меньше использовали местоимений первого лица (т. е. ориентированы не на себя, а на других) [Robertson, Hopko, 2013, p. 81].

С другой стороны, в исследовании Н. Алеа и др. на материале нарративов об оправдательном приговоре О Джей Симпсона, порождённых молодыми и пожилыми информантами, показано, что нарративы старших – более эмоциональны (по количеству имён эмоций), причём они представили больше негативных эмоций, чем молодые; количество имён позитивных эмоций не различается; интенсивность выражения эмоций (оценивалась по наличию интенсификаторов и повторов имени эмоции) в текстах старших также выше [Alea et al., 2004, p. 243].

Как видим, в двух экспериментальных работах представлены противоположные данные. Противоречия в данных объясняются тем, что, во-первых, во всех психологических исследованиях, даже предполагающих порождение нарратива о каком-либо событии, оцениваются сообщения об эмоциях, испытанных в прошлом, а выводы делаются о самом их переживании, во-вторых, чаще всего темы нарративов (оправдание О Джей Симпсона в [Alea et al., 2004], крушение шаттла Коламбия в [Kensinger et al., 2006]), избираемые исследователями для обеспечения сравнимости материалов (одинаковый стимул для молодых и старших), являются искусственными и не учитыва-

ют направленность внимания и заинтересованность индивидов в событии. Однако значительную роль в выражении эмоций в нарративах играют социальное и речевое планирование и контроль, а, как установлено, зоны мозга, отвечающие за контроль поведения, одинаково активируются у молодых и старших.

Автор теории психоэмоциональной селективности Л. Карстенсен в своей обзорной статье также отмечает противоречивость данных о когнитивно-аффективном состоянии стариков: экспериментально не подтверждается лучшее запоминание только позитивных стимулов старшими (что соответствовало бы стратегии избегания негативных событий [Scheibe, Carstensen, 2010, p. 140]), активация миндалевидного тела (отвечает за переживание эмоций) и кортикальных зон, отвечающих за контроль и регуляцию эмоций, не имеет возрастных различий, что в целом противоречит теории деградации всех зон мозга в старости [Scheibe, Carstensen, 2010, p. 138]. Поэтому авторы скорее перечисляют проблемы в исследовании старения, требующие рассмотрения, чем указывают на общепринятые факты о нём, и объясняют наличие противоречащих выводов в исследованиях старения различиями в условиях экспериментов и, главное, в интерпретации данных.

1.2.2. Интерпретативность данных о когнитивно-аффективном развитии представителей старшего возраста

Как видно из обзора, проблема геронтопсихологии – прежде всего интерпретативная: С. Кемпер обнаружила при сравнении ответов на вопросы направленного интервью с молодыми и пожилыми информантами (старше 80 лет) ряд особенностей: уменьшение синтаксической сложности предложений, числа клауз, левого ветвления предложений [Kemper, 1989, p. 63]. Автор отмечает, что, с одной стороны, эти черты могут говорить об ухудшении свойств оперативной памяти [Kemper, 1989, p. 63], с другой стороны, это может говорить о реципиент-дизайне: старшие сознательно делали свои тексты более простыми, ясными для адресата [Kemper, 1989, p. 64]. Этот вывод подтверждает дополнительный эксперимент С. Кемпер на оценку качества – увлекательности – текстов старших и молодых информантов наивными носителями языка: тексты первых признаны более интересными и ясными [Kemper, 1989, p. 64].

В крупном исследовании С. Кемпер и А. Самнер изучалось влияние трёх когнитивных факторов на речь: оперативной памяти (пересказ текста, называние услышанных слов), семантической памяти (дефинирование, называние единиц, принадлежащих одному классу, называние лексики на время) и оперативной памяти (в спонтанном тексте оценивалась длина в словах и в пропозициях). Авторами обнаружена адаптивная стратегия: при ухудшении оперативной памяти старшие начинают опираться на семантическую память – их текст синтаксически проще, но лексически разнообразнее [Kemper, Sumner, 2001, p. 315–319].

Х. Хенри указывает, что геронтологическое исследование должно учитывать целый комплекс когнитивно-аффективно-коммуникативных факторов: внимание, его устойчивость, избирательность и способность к распределению внимания [Henrie, 2010, p. 25–26], кратковременную память (удержание информации, манипулирование ею, удержание в памяти продуктов обработки информации), эпизодическую память (способность сознательно регистрировать, объединять, извлекать информацию о прошлом опыте) [Henrie, 2010, p. 27], собственно языковые факторы – лексические и синтаксические особенности [Henrie, 2010, p. 28], скорость обработки информации [Henrie, 2010, p. 29] и социальный интеллект (способность к симпатии и эмпатии) [Henrie, 2010, p. 30], а также способность к планированию поведения в соответствии с изменяющейся средой [Henrie, 2010, p. 27].

1.2.3. Признаки речи стариков

В связи с крайней разнородностью самой социальной группы пожилых и старых (разным социальным статусом, состоянием здоровья, ментальной сохранностью, стилем жизни и т. п. относящихся к ней индивидов) [Murphy, 2010, p. 13] часто происходит подмена: описываются речевые особенности больных Альцгеймером, но эти данные переносятся на группу в целом. Так, Х. Хамилтон отмечает, что больные Альцгеймером не могут целенаправленно контролировать речь, чтобы подстроить её к нуждам собеседника [Hamilton, 1994, p. 161]. Автор указывает ряд речевых проблем индивидов с Альцгеймером: а) проблемы в знаниях и референции – пациент не может планировать, что собеседник знает, а что нет, б) лексические проблемы, приводящие к использованию неологизмов, в) тематические перебивы – в нарратив вводят новую тему, не завершив старую, г) неспособность интерпретировать косвенные речевые акты, д) потерю стимулирующей (вопросы к собеседнику) позиции [Hamilton, 1994, p. 163–174].

Также в качестве стратегии компенсации ментальных потерь указывается негативное коммуникативное поведение: нежелание участвовать в общении, противоречия любым утверждениям [Savundrayagam et al., 2007].

Признаками деменции также считаются уменьшение количества существительных, парафразы, отклонения от темы, эгоцентрическая речь [Ehrlich et al., 1997, p. 80], больные информанты в экспериментах породили больше неоконченных фрагментов, больше дейктических компонентов и меньше информативных клауз по отношению к общему объёму текста при рассказе по картинкам [Ehrlich et al., 1997, p. 89]. Иногда эти же черты перечисляются в исследованиях, посвящённых речи здоровых старших: П. Купер называет среди таких признаков палалии, повторы фраз, длительные паузы, незаконченные фразы, вставные фразы, не относящиеся к теме [Cooper, 1990, p. 211]. В. Уокер также отмечает наличие вставных конструкций, самоперебивов и повторов [Walker et al., 1988, p. 61–62]. При этом П. Купер высокое количество незначимых слов и длительность пауз связывает, действительно, с ухудшением когнитивно-речевых функций – проблемами с извлечением слов из ментального лексикона и уменьшением скорости производства речи [Cooper, 1990, p. 214], но вставные фразы она интерпретирует в социально-адаптивном ключе – как выражение кооперативной стратегии стариков [Cooper, 1990, p. 214]. П. Уокер также замечает интересную черту: повторов, самоисправлений и вставок действительно больше в спонтанных текстах представителей старшего возраста, но в данной группе значительное количество этих явлений демонстрируют отдельные информанты, тогда как в группе молодых вставки и перебивы распределены статистически равномерно по текстам всех информантов [Walker et al., 1988, p. 61]. Отмеченное нами неразличение признаков речи здоровых пожилых и пожилых с деменцией, а также присутствие текстов-экстремумов по числу данных черт в выборке «здоровых» пожилых связано с нелингвистической, а физиологической проблемой выявления старческих дегенеративных изменений мозга, прежде всего сенильной деменции: не существует одного общепризнанного метода её определения, а в качестве диагноза деменция подтверждается только патологоанатомическим исследованием. Таким образом, считать наличие перечисленных черт объективным набором, характеризующим речь стариков, нельзя: это некоторые опорные пункты, которые требуют проверки и тщательного отбора информантов (что не исключает попадание в их число людей с деменцией, особенно в России, где медицинская помощь оказывается только на поздних стадиях данного заболевания, характеризующихся полной социальной дезадаптацией страдающих от дегенеративных изменений мозга).

1.3. Понятие нарратива

Понятие нарратива является одним из самых используемых в современной гуманитаристике, что привело к размыванию содержания термина. Вместе с тем все трактовки можно попытаться разделить на широкие (применяемые в основном в социологии и психологии) и узкую (лингвистическую). Согласно первой нарратив есть «способ конструирования реальности в нарративных нормах и дискурсивных формациях, культурно задаваемых и используемых индивидами в конкретных социальных условиях» [Brockmeier, Carbaugh, 2003, p. 10], «форма структурирования неструктурируемого, придания атомарному хаосу событий, действий и фактов формы и значения» [Brockmeier, Carbaugh, 2003, p. 14]. То есть нарратив есть повествование в любой знаковой форме о человеческом опыте, приводящее к самоосмыслению человека в рамках этого опыта. Как видим, никаких формальных требований к нарративу нет, главное – содержание (жизнь во всем многообразии) и социально-психологические функции (формирование идентичности и так называемой нарративной памяти).

Узкая, лингвистическая трактовка нарратива была предложена У. Лабовым и Дж. Валетским, которые понимают под ним «технику конструирования нарративных блоков, составляющих временну́ю последовательность опыта. Две базовые функции нарратива – референциальная и ценностная. Нарратив для индивида выполняет дополнительную социальную функцию, определяемую стимулом в социальном коллективе» [Labov, Waletzky, 1967, p. 13]. Строгое понимание нарратива предполагает наличие у текста, который может быть им назван, ряда формальных признаков: 1) наличие придаточных предложений, соответствующих временной организации событий; 2) отнесённость повествования к прошедшему времени; 3) наличие определённых структурных компонентов [Labov, Waletzky, 1967, p. 13]. Исследователи рассматривают 5 базовых блоков, выделяемых на основании синтаксических и семантических признаков входящих в них элементов: ориентацию (orientation) – «группу свободных высказываний, в которой даётся характеристика лица, места, времени и поведенческой ситуации» [Labov, Waletzky, 1967, p. 32–33]; усложнение (complication) – группу нарративных высказываний о сериях событий; развитие (или оценку) (evaluation) – точку максимального напряжения; разрешение (или завершение) (resolution) – где происходит завершение ситуации; коду (coda) – «функциональное приспособление для перевода вербальной перспективы в настоящее время» [Labov, Waletzky, 1967, p. 39].

Согласно У. Лабову, структура нарратива варьирует у разных рассказчиков, ведь социальный опыт индивида оказывает влияние на структуру его нарратива [Labov, 1987, p. 220].

В настоящей статье используется вторая трактовка нарратива, во-первых, из-за её эвристичности, во-вторых, в связи с отмеченной ценностной функцией нарратива: индивиды не просто рассказывают о событии, но оценивают его и своё сегодняшнее состояние в контексте повествования. В-третьих, У. Лабов утверждает, что структура нарратива чувствительна к социальным факторам – варьирует у представителей разных социальных групп, – а представители старшего возраста также представляют собой группу. Всё это делает нарратив удобным материалом для исследования эмоционально-оценочного компонента в речи старшего поколения.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методы

Основной метод сбора материала – запись спонтанного нарратива об интересных событиях в жизни информанта. Собрано по 20 текстов от представителей младшей

группы (10 женщин и 10 мужчин, все – студенты 3–4 курсов пермских вузов) и 20 – от представителей старшей возрастной группы (по 10 от мужчин и женщин): самый младший информант – 79 лет, старшие – 89 лет, медиана – 86 лет. Все старшие информанты проживают в г. Перми, однако родились в разных местах бывшего Советского Союза. Выборка не сбалансирована по фактору «уровень образования», однако количество информантов с начальным, средним и высшим образованием примерно одинаковое. В скобках после цитат указан пол, возраст на момент записи текста, уровень образования и место рождения информанта.

В студенческой группе тексты получились тематически неоднородными (в основном о смешных событиях, связанных со свободным временем), в группе представителей старшего возраста все тексты так или иначе связаны с участием информантов в Великой Отечественной войне, что полностью подтверждает мнение П. Фромхолта и его коллег об общем для всех представителей поколения старших восьмидесятилетних в Европе ударном событии (самом важном, решающем, и используемом для наррации в старости) – Второй мировой войне [Fromholt et al., 2003, p. 82]. Далее все полученные нарративы транскрибировались в орфографической записи с указанием паравербальных характеристик (смеха, вздохов и т. п.).

Основной метод анализа материала в соответствии с проблемой – семантический анализ: именно на основании наличия ядерного (денотатного) значения или дополнительных оценочных или экспрессивных сем В. И. Шаховский различает имена эмоций, эмоционально-оценочные лексемы и эмоционально коннотированные лексемы. Если единица служит для называния, номинирования эмоций (денотат – переживание) – это имя эмоции; если денотат единицы связан с физиологическими эффектами эмоции – это метонимический парафраз. Если базовая сема – оценочная (хорошо / плохо / нейтрально) – это оценочная лексика. Единицы, обладающие эмоционально-экспрессивными и идиомными коннотациями – коннотированные.

Дополнительно для выявления объекта предикации оценки применялся сначала семантический анализ (фиксировалась оценочная лексема), а затем синтаксический (устанавливалось, какому компоненту высказывания данная лексема предицируется).

Для определения эмоциональных высказываний применялся структурный метод: для каждого языка выработан инвентарь так называемого эмоционального синтаксиса, описанный в основном в курсах риторики (эмоциональные вопросы, восклицания, эллиптированные конструкции, именные конструкции и т. п.).

Поскольку объёмы текстов у представителей 4 групп значительно различались (общий объём текстов студентов в словоформах составил 3509, студенток – 2600, старших мужчин – 8700, старших женщин – 12969), для обеспечения сравнимости результатов была проведена нормализация количественных данных, стандартная для анализа нарративов: оценивалась встречаемость рассматриваемых единиц на каждые 10 слов текста (если тексты небольшие по объёму) или на 100 словоформ текста (при объёмных текстах) [Cooper 1990]. Таким образом, в таблицах представлен процент встречаемости единиц на 100 словоформ текста.

2.2. Обсуждение результатов

В соответствии с задачами были рассмотрены оценочные компоненты в нарративах в двух аспектах: типы предикации оценки (какому субъекту или объекту оценка предицируется), а также семантика оценки – положительная, отрицательная или нейтральная (на основании семантического анализа оценочной лексемы: если она содержала сему «хорошо», «плохо» или «нейтрально» – напр., «нормально», «всяко»).

Т а б л и ц а 1. **Оценочные единицы в спонтанных текстах**

Типы оценочности	Параметры типов оценочности	Студенты	Студентки	Мужчины	Женщины
Предикация оценки	ситуация	22,8	46	9,2	13,9
	герой		11,4	5,7	8,5
	я (автор текста)		7,6	1,2	3,9
	текст	2,8			0,7
	эстетическая оценка объекта				3,9
	прагматическая оценка объекта				0,7
Семантика оценки	положительная	14,2	53,6	5,75	13,1
	отрицательная	11,4	11,4	4,6	13,1
	нейтральная			5,75	5,3
ВСЕГО		25,6	65	16,1	31,6

Как видно из таблицы 1, самыми нагруженными по оценке оказались тексты студенток – у них более половины из 100 словоформ оказываются оценочными. У студентов только четверть единиц оценочно окрашена. Старшие женщины представили треть оценочных единиц на 100 слов нарратива. Наконец, старшие мужчины показали самый нейтральный в оценочном плане текст: всего 16,1% слов из 100 в их текстах относятся к оценочным. Даже по этим общим данным видно, что тексты представителей старшего возраста нейтральны, они не пытаются давать свою оценку в тексте, ориентированы на объективное изложение. Более высокий процент оценочных компонентов в текстах старших женщин, вероятно, связан с их гендерной принадлежностью. Тексты студентов оказались более «оптимистичными», чем тексты представителей поколения, пережившего войну: у студентов 14,2% положительно окрашенных лексем и 11,4% отрицательно окрашенных, у студенток – 53,5% положительно окрашенных лексем и 11,4% отрицательно окрашенных. Старшие мужчины, как и студенты, показали не столь существенные различия по частотам положительных и отрицательных оценок (5,75% и 4,6%). Старшие женщины дали одинаковое количество положительно и отрицательно окрашенных лексем. Существенное различие в оценочности, особенно среди женщин двух поколений, вероятно, объясняется экстралингвистически: юность и молодость старших пришлись на войну, сама реальность, о которой они повествовали, требовала отрицательной оценки, современные студенты живут в оптимистичное время. Заметим, что только у старшего поколения (с почти одинаковой частотой и у мужчин, и у женщин) появляется нейтральная оценка (реализована лексемами *нормально* и *всяко*), вероятно, это именно эффект возраста, нейтрализации взгляда на события прошлого. Помимо собственно деонтической оценки в текстах старших женщин обнаружена эстетическая оценочность («красиво») и прагматическая оценочность («полезный»).

По объектам предикации нарративы студентов крайне однообразны: в основном оценивается ситуация (что типично для нарратива как типа текста, первый ранг по частоте этого типа предицирования во всех рассматриваемых социобиологических группах объясняется жанром) и в 1 тексте – сам текст (*Значит история у меня такая / можно сказать веселая //* (м, 21, эконом. ф-т)). Оценка текста как продукта (метаязыковая) встретилась также в одном нарративе старшей женщины (*А притом я из семьи че-*

ки*стов / все / коснемся только родителей / это очень интересно //* (ж, 87, выс., Кудымкар)). Оценка героев нарратива и самого автора текста имеет второй и третий ранги по частоте, заметим, более частотны они у студенток, далее следуют женщины старшего возраста, у мужчин старшего возраста (в отличие от студентов) они все-таки появляются, причём для них свойственна положительная оценка врага (немцев) (*б- / было / форсировали э- / н- / на той стороне берега был город Кюстрин / от нашего как говорится б- / э-э / нашего дивизиона / процентов наверное десять-пятнадцать осталось / вот так / погибли // И пехота погибала // И танки погибали / и надо сказать что они до последнего / до последнего момента / э-э / сражались / так же мужественно / самолётами / бомбили беспрерывно / обстреливали беспрерывно //* (м, 87, нач., Саратовская обл.)). У старших женщин оценка немцев только отрицательная, положительная приписывается исключительно соотечественникам (*Вот так наша армия шла // А какая гордость! //* (ж, 87, выс., Кудымкар) ср.: *Они пьянь / пили шнапс / любили очень / пили безбожно* (ж, 87, с/с, Смоленская обл.)).

Далее рассмотрим количество собственно эмоциональных высказываний и коннотированных единиц (см. табл. 2).

Таблица 2. **Эмоциональные высказывания и коннотированные единицы в спонтанных текстах**

Параметры	Студенты	Студентки	Мужчины	Женщины
Эмоциональные высказывания	11,4	7,7	6,9	48,6
Коннотации	17	19,2	5,7	9,3

Интересно, что коннотированные единицы в меньшей степени говорят об эмоциональности информанта, и в большей – о предпочитаемом идиоме, который маркирует и речевую культуру, и моделирование отношений интервьюера и информанта в рамках коммуникативной ситуации. Как видно из таблицы 2, у студентов, мужчин и женщин, тексты более коннотированы (по 17% и 19,2% слов из 100 соответственно), причём здесь важен тип коннотации: у всех студентов это единицы из студенческого или общего жаргона (размещены в порядке частоты реализации) (у мужчин: *пацан, угорать, приколоться, стопануть;* у женщин: *потусоваться, наезжать, буянить, бабка*), студенты не чувствовали дистанции между собой и интервьюером и порождали типичный жаргонизированный текст. Коннотации в текстах старшего поколения разнообразнее: там представлены и просторечные, и разговорные единицы (у мужчин: *грязища, танкисты меня соблазнили, матушка, мы люди отпетые, ломовые спортивные занятия*; у женщин: *остальных всех на фронт загнали, всю войну у меня путалась под ногами, маялась с ней, начальство бегало, всё время идёт эта катавасия, опять двадцать пять, ни сна, ни отдыха, ни покоя, ругани было, сразу ринулись в военкомат, настырно пошла, сильно надо, а мы припёрлися на фронт*). Заметим, что набор единиц в студенческих текстах стандартен, они повторяются, в то время как коннотированные единицы в текстах старших уникальны, кроме того, женщины, как видим из списка, предпочитают фразеологически связанные единицы.

Сложнее интерпретировать так называемый эмоциональный синтаксис: некоторые его элементы (эллипсис, именные конструкции) в ряде работ, посвящённых речи представителей старшего возраста, называются признаком упадка продукции речи [Cooper, 1990, p. 211]. При таком подходе к интерпретации нарративы старших женщин необходимо было бы признать демонстрирующими упадок речи (ср., практически половина всех их высказываний – эмоциональна, тогда как у студенток, студентов и старших

мужчин количество таких высказываний не превышает 11,5%). Вместе с тем в работе [Лантюхова, 2015] показано, что синтаксис женщин не различается в зависимости от возраста, а работа [Kemper, 1989, p. 63] подтверждает бóльшую синтаксическую обработанность в нарративах стариков, что приводит к «наивным» оценкам их нарративов как «интересных». Субъективно нарративы старших женщин действительно интересны, они эмоциональны не в лексическом (см. предыдущий пункт анализа), а в прагматическом смысле: только в них содержатся прямые обращения к слушающему, апелляция к его мнению, риторически они достаточно обработаны (напр., содержат вставные полнокомпонентные трагикомические или иронические нарративы: *А я один раз пришла / мне там нянечка м- / говорит / «О-о ой / это э- / такие карточки у нас / такие обеды // О- / всё / кушайте кушайте / с братом / умрёшь днём позже» //* (ж, 89, с/с, Пермь)).

Наконец, рассмотрим имена эмоций: это пласт лексики, денотатное содержание которых – сама эмоция, их функция – называние эмоции (напр, радость, горе, страх и т. п.). В. И. Шаховский говорит о кластерах эмоций – таких лексико-семантических группах, которые объединены по базовой называемой эмоции (*бояться, испугаться, испытывать страх, страшиться* и т. п. – для эмоции «страх»). Количество и набор кластеров эмоций также были рассмотрены нами в анализе. Кроме собственно имён эмоций, в каждом языке существуют метонимические (от физических состояний в момент переживания эмоций) номинации эмоций (напр., *дрожать, ноги подкосились*), их мы также рассматривали в типе «Внешние признаки эмоций».

Т а б л и ц а 3. **Лексика эмоций в спонтанных текстах**

Тип лексики эмоций	Параметры	Студенты	Студентки	Мужчины	Женщины
Лексика эмоций	Имена эмоций	39,9	50	8	18,5
	Внешние признаки эмоций			3,4	18,5
Количество кластеров		4	5	6	10

Передача собственного эмоционального состояния в рассказываемой ситуации – важный признак нарративов студентов: у них почти половина слов относится к лексике эмоций (см. табл. 3). Причём подбирают для них имена и не используют описательную метонимическую стратегию. Старшие мужчины очень редко описывают свои эмоции (имена эмоций использованы в 8%, а метафорические и метонимические номинации – в 3,4%). Это прямо соотносится с результатами анализа оценочности: их тексты максимально объективны, они не стремятся ни оценить событие, ни описать своё состояние. Тексты старших женщин включают большее число имён эмоций, чем мужские, кроме того, женщины используют узуальные парафрастические способы номинирования эмоций. Как и в случае с эмоциональным синтаксисом, интерпретация данных может быть двоякой. С одной стороны, наличие парафраз может служить признаком проблем с семантической памятью (доступом к единицам ментального лексикона), приводящих к необходимости подбирать описательный вариант [Cooper, 1990, p. 214], ср., напр.: *Мы значит придумали / что берём… // а провода были цветные / и красные / и зелёные / жёлтенькие // И мы брали эти провода / снимали эту корочку-то / знаете // [изоляцию эту?] Да // И делали себе монисты / или как их назвать-то / нуу / украшения / нанизывали на них ниточку // [ожерелья?] Ожерелья / правильно //* (ж, 84, с/с, Харьковская обл.). С другой стороны, для каждого языка этот инвентарь парафрастических имён эмоций узуален и может использоваться в качестве риторического приёма, нормального для обработанного нарратива: они создают яркий образ, заставляя сопереживать герою.

Второе мнение поддерживается прагматическим анализом – нам не встретился ни один случай неуместного включения метафоры или метонимии эмоций (что всегда происходит при проблемах с подбором слова): *Меня как вот обожгло* (об известии о смерти матери) (ж, 89, с/с, Пермь); *Кто плачет / кто сидит на земле / кто вдвоём обнявшись* (ж, 89, с/с, Пермь); *распахнула окно и онемела* (о радости от известия о Победе) (ж, 87, выс., Кудымкар); *кто плачет / кто как / вот что корабль утонет // И значит / те люди пропадут* (м, 85, выс., Крым); *Ревела / девки плакали вместе со мной* (жалость) (ж, 85, с/с, Пермский р-н); *Ну / э- / всё закончилось / нас распустили / мы пошли по своим казармам по своим кроватям / ну ночью спать там уже не было / у нас подушки летели / одеяла летели / обувь летела / всё такое ру- / у- / вот такое // Ну ты- / к- / как- / как ребята есть ребята //* (м, 87, выс., Ильинский р-н); *Ружьё-то взяла / а патроны некуда даже это / этот не взяла с собой // В руке держу / дрожу вся [Смех] // Ой! // Щас помню / так смех //* (ж, 86, нач., Пермская обл.); *Вот двери открыли / все прямо вот они выпадывали // Кто-то… / кто за волосы / глаза у кого открыты // Мы сами-то в обморок падали от такого страха // Специально немцы сделали так / ну загоняли туда вот жителей / в Харькове которые жили / в основном евреев / и вот / закрывали их / бензином обливали //* (ж, 85, с/с, Пермский р-н).

Количество и набор кластеров эмоций также является достаточно показательным для оценки эмоциональности (и способов её выражения) у представителей молодого и старшего поколения. Несмотря на крайне высокую частоту появления имен эмоций в текстах студентов, их набор достаточно скуден – в текстах студентов представлено всего 4 кластера эмоций (здесь и далее размещены по рангам частоты реализации): радость, грусть, заинтересованность, волнение. У студенток представлено пять кластеров эмоций: страх, радость, презрение, грусть и недоумение. У студентов обоих полов появляются познавательные эмоции (заинтересованность и недоумение), а у студенток – социальная эмоция – презрение. В текстах старших мужчин представлено 6 кластеров эмоций: страх, волнение, радость, спокойствие, зависть и удивление. В текстах старших женщин набор называемых эмоций самый богатый (10), включает и базовые эмоции, и эмпатическую (жалость), и социальные эмоции: радость, страх, грусть, спокойствие, горе, жалость, удивление, гордость и стеснение. Заметим появление интересного кластера в текстах старших мужчин и женщин: это спокойствие. По сути, это отсутствие эмоций в ситуации, когда их появление ожидаемо. Представители старшей возрастной группы считают нужным номинировать эту «эмоцию», вероятно, для создания образа «Я» в экстремальных условиях войны.

3. Выводы

Мнение об эмоциональности стариков не подтверждается: во-первых, тексты старших мужчин по количеству и оценочных единиц, и эмоциональных высказываний, и коннотированной лексики, и имён эмоций самые нейтральные. Вероятно, это связано с типом нарративной деятельности: они не описывают своё состояние здесь и сейчас, а повествуют о событиях прошлого, в котором их единственная роль – солдата. Тексты мужчин самые фактологичные. По количеству оценочных единиц и имён эмоций самыми нагруженными оказались тексты студенток: по сути, их нарративы посвящены их эмоциям в конкретной ситуации. Однако набор эмоций у представителей младшего поколения однообразный: чаще всего они «испытывают» страх, радость и грусть, названные Л. Доэрти базовыми, простыми эмоциями [Dougherty et al., 1996, p. 29]. Нарративы старших женщин, при небольшом количестве собственно оценочной и эмоциональной лексики, оказываются эмоциональными в риторическом смысле: они достаточно изощренны в использовании эмоционального синтаксиса и

парафрастических имен эмоций, что создаёт эффект присутствия слушателя в ситуации повествования. В текстах женщин представлено больше всего кластеров эмоций, в том числе неядерных (социальных и эмпатических), что соответствует выводам С. Шэбе и Л. Л. Карстенсен о преобладании сложных, смешанных эмоций у стариков [Scheibe, Carstensen, 2010, p. 141].

По нашему мнению, нарративы не позволяют говорить о собственно эмоциональности стариков в момент производства речи (как и в принципе лингвистический анализ, т. к. выражение эмоций с помощью языка риторично: может использоваться осознанно или контролироваться), при этом предоставляют интересный материал о когнитивной деятельности представителей старшего поколения. Во-первых, все старшие мужчины поддерживают образ сдержанного и безэмоционального «Я», гендерные стереотипы о желательной идентичности мужчины не нарушены ни у одного восьмидесятилетнего. Во-вторых, женщины старшего возраста демонстрируют сохранность процедурного компонента речи (эмоциональный синтаксис) и семантической памяти (удачно применяют узуальные парафразы имён эмоций). Кроме того, высокая частота именно этих компонентов эмоциональности текста говорит о кооперативной ориентированности старших женщин: они делают свой текст интересным для слушателя, что говорит о сохранности кратковременной памяти; они способны планировать свой текст (согласимся здесь с интерпретацией П. Купер о сознательном создании интересного текста старшими [Cooper, 1990, p. 212], однако у неё – без указания на различия по полу). Таким образом, результаты проведённого исследования соотносятся с выводами авторов, несогласных с метафорой «потерь и ухудшений» в когнитивно-аффективном состоянии в старшем возрасте и предлагающих адаптивно-селективные интерпретации.

Список литературы {References}

Лантюхова, 2015 – Лантюхова, Н. Н. Некоторые психологические и лингвистические аспекты организации языковой деятельности лиц позднего возраста [Текст] / Н. Н. Лантюхова // Известия ВГПУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (269). – С. 125–129 {Lantyukhova, N. N. (2015). Nekotorye psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty organizatsii yazykovoy deyatel'nosti lits pozdnego vozrasta [Some psychological and linguistic aspects of language activity of old people]. Izvestiya VGPU. Gumanitarnye nauki [Izvestiya of Voronezh State Pedagogical University. Humanities], 4 (269), 125–129}.

Стернин, 1985 – Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 138 с. {Sternin, I. A. (1985). Leksicheskoe znachenie slova v rechi [The lexical meaning of the word in speech. Voronezh : Voronezh University Press]}.

Шаховский, 1990 – Шаховский, В. И. Что такое эмотивное значение? [Текст] / В. И. Шаховский // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма : сб. науч. тр. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1990. – С. 47–53 {Shakhovsky, V. I. (1990). Chto takoe emotivnoe znachenie? [What is emotive meaning?]. Problemy izucheniya slova: semantika, struktura, forma [Studying the word: Semantics, structure, form]: Collection of scientific papers (pp. 47–53). Tver : Tver State University Press]}.

Шаховский, 2009 – Шаховский, В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29–43 {Shakhovsky, V. I. (2009). Emotsii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike [Human emotions as an object of the study in linguistics]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 9, 29–43}.

Adams, 1991 – Adams, C. Qualitative age differences in memory for text: A life-span development perspective [Text] / C. Adams // Psychology and Aging. – 1991. – № 6. – P. 323–336.

Alea et al., 2004 – Alea, N. Young and older adults' expression of emotional experience: Do autobiographical narratives tell a different story? [Text] / N. Alea, S. Bulk, A. B. Semegon // Journal of Adult Development. – 2004. – № 11. – P. 235–250.

Brockmeier, Carbaugh, 2003 – Brockmeier, J. Introduction // Narrative and Identity: Studies in autobiography, Self and Culture [Text] / J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds.). – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins pub., 2003. – P. 1–22.

Cooper, 1990 – Cooper, P. V. Discourse production and normal aging: Performance on oral picture description tasks [Text] P. V. Cooper // Journal of Gerontology. – 1990. – N. 45. – P. 210–214.

Dougherty et al., 1996 – Dougherty, L. M. Differential emotions theory and emotional development in adulthood [Text] / L. M. Dougherty, J. A. Abe, C. E. Izard // Handbook of emotion, adult development, and aging / C. Magi, S.H. McFadden (Eds.). – New York : Academic Press, 1996. – P. 27–41.

Ehrlich et al., 1997 – Ehrlich, J. S. Ideational and semantic contributions to narrative production in adults with dementia of the Alzheimer's type [Text] / J. S. Ehrlich, L. K. Obler, L. Clark // Journal of Communication Disorders. – 1997. – N 30. – P. 79–99.

Fromholt et al., 2003 – Life-narrative and word-cued autobiographical memories in centenarians: Comparison with 80-years-old control, depressed, and dementia groups [Text] / P. Fromholt, D. B. Mortensen, P. Torpdahl, L. Bender, P. Larsen, D. C. Rubin // Memory. – 2003. Vol. 11 (1). – P. 81–88.

Hamilton, 1994 – Hamilton, H. E. Accomodation and mental disability [Text] / H. E. Hamilton // Contexts of Accomodation: Studies on Emotional and Social Interaction / H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (Eds.). – Cambridge : Cambridge UP, 1994. – P. 157–186.

Henrie, 2010 – Henrie, H. C. Defining and assessing cognitive and emotional health in later life [Text] / H. C. Henrie // Successful cognitive and emotional aging / C. A. Depp, D. V. Jeste (Eds.). – Washington DC, London : American Psychiatric Publishing, 2010. – P. 17–36.

Kemper et al., 1989 – Life-span changes to adults' language: Effects of memory and genre / S. Kemper, D. Kynette, S. Rash, K. O'Brien, R. Sprott // Applied Psycholinguistics. – 1989. – № 10 (01). – P. 49–66.

Kemper S., Sumner, 2001 – Kemper, S. The structure of verbal abilities in young and older adults [Text] / S. Kemper, A. Summer // Psychology and Aging. – 2001. – N 16 (2). – P. 312–322.

Kensinger et al., 2006 – Kensinger, E. A. Memories of an emotional and a nonemotional event: Effects of aging and delay interval [Text] / E. A. Kensinger, A. C. Krendl, S. Corkin // Experimental Aging Research. – 2006. – N 32 (1). – P. 23–45.

Labov, 1987 – Labov, W. Speech actions and reactions in personal narrative [Text] / W. Labov // Analyzing discourse: Text and talk / D. Tannen (Ed.). – Washington, DC : Georgetown University Press, 1987. – P. 219–247.

Labov, Waletzky, 1967 – Labov, W. Narrative analysis: oral versions of personal experience [Text] / W. Labov, J. Waletzky // Essays on the verbal and visual arts / J. Helm (Ed.). – Seattle, WA : University of Washington Press, 1967. – P. 12–44.

Murphy, 2010 – Murphy, B. Corpus and Sociolinguistics. Investigating age and gender in female talk. (Studies in Corpus Linguistics). – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. – 232 p.

Robertson, Hopko, 2013 – Robertson, S. Emotional expression during autobiographical narratives as a function of aging: support for the socioemotional selectivity theory [Text] / S. Robertson, D, Hopko // Journal of adult development. – 2013. – Vol. 20 (2). – P. 76–86.

Savundrayagam, M.Y. et al., 2007 – Savundrayagam, M. Y. Communication, health and Ageing: Promoting empowerment [Text] / M. Y. Savundrayagam, E. B. Ryan, M. L. Hummert // Language, discourse and social psychology / A. Weetherall, B. Watson, C. Gallois (Eds.). – NY : Palgrave Macmillan, 2007. – P. 81–107.

Scheibe, Carstensen, 2010 – Scheibe S. Emotional Aging: Recent Findings and Future Trends [Text] / S. Scheibe, L. L. Carstensen // Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences & Social Sciences. – 2010. – Vol. 65B. – N 2. – P. 135–144.

Thapar, Rouder, 2009 – Thapar, A. Aging and recognition memory for emotional words: A bias account [Text] / A. Thapar, J. Rouder // Psychonomic Bulletin & Review. – 2009. – Vol. 16 (4). – P. 699–704.

Walker et al., 1988 – Walker, V. G. Linguistic analyses of the discourse narratives of young and aged women [Text] / V. G. Walker, P. M. Roberts, D. L. Hedrick // Folia Phoniatica. – 1988. – N 40. – P. 58–64.